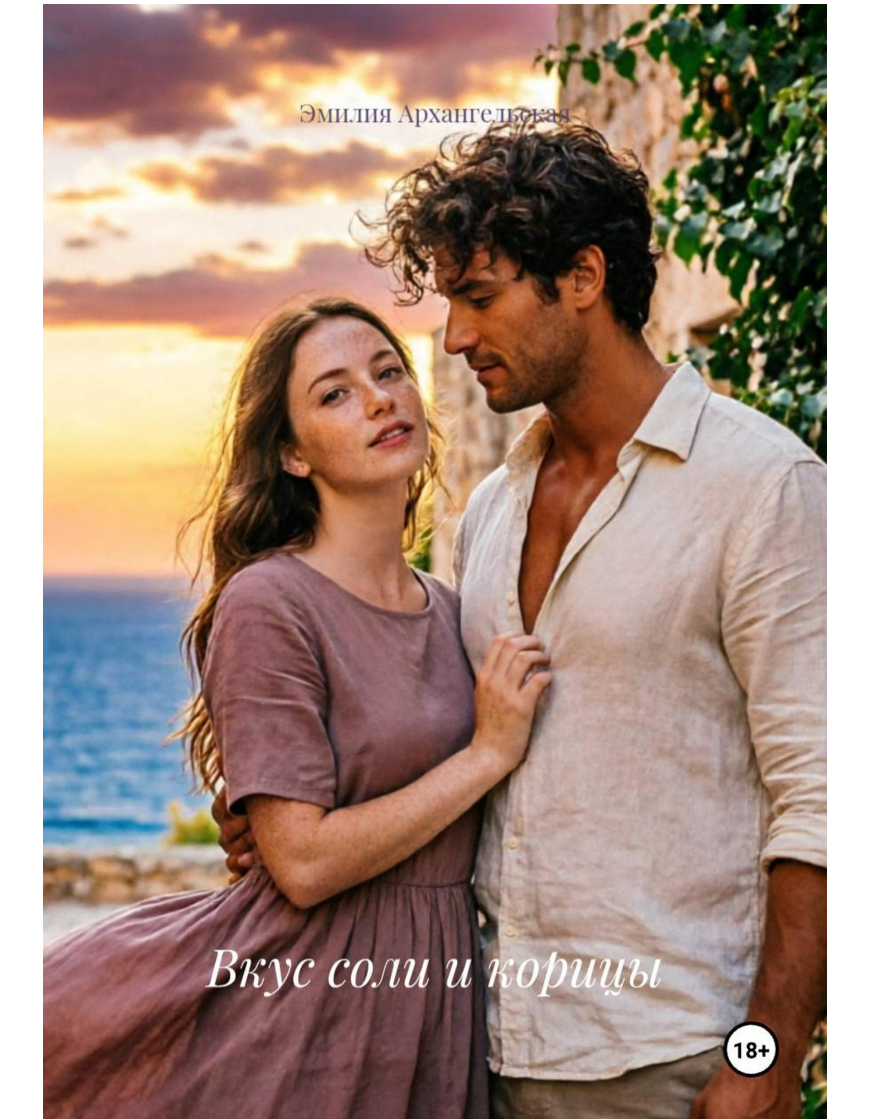

A romantic couple embracing at sunset by the sea. The woman, Emilia Arhangel'skaya, is wearing a purple dress and looking up at the man. The man has curly hair and is wearing a light-colored shirt. The background shows a sunset over the ocean with a stone wall and greenery on the right.

Эмилия Архангельская

Вкус соли и корицы

18+

Эмилия Архангельская

Вкус соли и корицы

<https://litres.ru/74566123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть дней. Три тысячи километров. Одна любовь, которая изменит всё.

Вера — учительница из уральской глубинки, уставшая от серого неба и предсказуемой жизни. Её отпуск в Турции — просто попытка вдохнуть. Но в лабиринте старого города Анталии она сталкивается с Керемом — смуглым реставратором яхт с глазами цвета горького шоколада и запахом кедра и моря.

Одна ночь на его яхте под звёздами. Один поцелуй, от которого перехватывает дыхание. Одна страсть, которая пробуждает всё, что она подавляла годами.

Но рассвет неизбежен. Впереди — обратный билет и три тысячи километров между ними. Может ли любовь, рождённая за шесть дней, пережить расстояние? И готов ли Керем бросить всё, чтобы быть рядом?

Чувственный роман о выборе между безопасностью и страстью, о доме, который не место, а человек, и о море, которое помнит тех, кто осмелился заблудиться, чтобы найти себя.

Откройте первую страницу — и позвольте морю унести вас...

Эмилия Архангельская

Вкус соли и корицы

Вкус соли и корицы
Роман

Глава 1. Искусственное солнце и тени старого города

Вера всегда знала, что море пахнет иначе, чем на глянце-
вых страницах туристических брошюр. В реальности оно
пахло не только солью и йодом, но и чужой, шумной, навяз-
чивой жизнью, к которой она, двадцатичетырехлетняя учи-
тельница литературы из маленького, затерянного в ураль-
ских сопках городка, пока не имела никакого отношения.

Ее отпуск длился всего шесть дней. Шесть

дней, которые она откладывала по дням, отказывая себе в утреннем капучино, в новых туфлях, в спонтанных поездках на такси. Она копила на эту путевку в Анталью полгода, и теперь, оказавшись в огромном, сверкающем белизной отеле с гордой приставкой «ультра все включено», чувствовала себя не отдыхающей, а чужакой, случайно заблудившейся в муравейнике.

Вокруг кипела жизнь, и эта жизнь была оглушительной. Из динамиков, скрытых в искусственных пальмах, гремела ритмичная, бьющая по нервам музыка. На шезлонгах, выстроившихся ровными рядами, как солдаты на плацу, лежали женщины в купальниках, расшитых стразами, которые ослепительно сверкали на солнце. Звучала разноязычная речь — отрывистая немецкая, певучая итальянская, громкая русская.

Вера сидела на самом краю своего шезлонга, в своем простом хлопковом сарафане цвета пыльной розы, который она купила еще дома, в обычном масс-маркете. Ее светлые волосы были небрежно собраны в пучок, из которого уже выбились несколько прядей, прилипших к вспотевшей шее. Лицо без макияжа она прятала за огромными темными очками. Она устала. Устала от этого пластика, от липкого, тяжело-го дневного зноя, от бесконечного шведского стола, где еда казалась безвкусной, от равнодушных, скользящих взглядов мужчин, оценивающих ее фигуру и тут же теряющих интерес, видя отсутствие вызова.

Она закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти образ своего родного города. Там сейчас, наверное, идет мелкий, нудный дождь. Там серое небо низко нависает над крышами пятиэтажек, там пахнет мокрой

лиственной и остывающим асфальтом. Там она была собой. Здесь, под этим палящим, безжалостным турецким солнцем, она чувствовала себя прозрачной.

«Я просто хотела вдохнуть», — подумала она, открывая глаза и глядя на бирюзовую, почти нереальную воду бассейна. — «Просто хотела почувствовать, что я живая. А я чувствую себя экспонатом в музее отдыха».

На третий день вечером, когда солнце, раскаленное за день до предела, наконец начало смягчаться, окрашивая небо в невероятные цвета спелого персика, расплавленного золота и темного, густого вина, Вера приняла решение. Она сбежала.

Она оставила свой шезлонг, недопитый, нагретый мохито с пластиковой трубочкой, оставила шумную анимацию, которая уже

начинала собирать людей на вечернюю дискотеку, и быстрым шагом направилась к выходу из отеля.

— Такси, — коротко бросила она портье, который с удивлением посмотрел на ее простой сарафан и босоножки. — В старый город. Kaleiçi.

Водитель, смуглый мужчина с густыми усами, кивнул и включил кондиционер. Машина была старой, пахла дешевым освежителем воздуха и крепким табаком. Вера откинулась на спинку сиденья и смотрела в окно. Постепенно белые виллы, торговые центры и шумные набережные остались позади. Пейзаж менялся, становился более суровым, каменистым, и сердце Веры начало биться чуть быстрее.

Такси остановилось у подножия Калеичи —

старого города, зажатого между современными кварталами и морем. Здесь не было диско-баров, неоновых вывесок и толп туристов в гавайских рубашках. Узкие, мощеные булыжником улочки, увитые пышной, ярко-розовой бугенвиллией, уходили вглубь темнеющих холмов, словно приглашая заглянуть в чужую, тайную жизнь.

Воздух здесь был другим. Он был густым, осязаемым. В нем смешивались запахи жареных каштанов, крепкого, сваренного на песке кофе, сладкой корицы и соленого морского ветра, который свободно забирался в этот каменный лабиринт, сдувая дневную духоту.

Вера шла медленно, не торопясь. Она сняла босоножки и шла босиком, чувствуя, как прохладный, отполированный миллионами ног камень приятно холодит разгоряченную

кожу стоп. Она проводила пальцами по шершавым, теплым стенам древних домов. Ее сердце билось чаще от ощущения какой-то тихой, интимной сказки. Кожа после долгого дня на солнце все еще хранила жар, покалывала, а тонкая ткань сарафана приятно холодила легкий вечерний ветерок, обрисовывая контуры бедер и груди.

Она остановилась, чтобы достать телефон. Хотела снять узкую каменную арку, почти полностью затянутую диким плющом, чьи листья в лучах заката казались почти черными. Она подняла телефон, наводя камеру, и в этот момент из-за поворота, буквально в шаге от нее, появился он.

Она не успела отступить. Тень упала на нее, закрывая солнце. Его рука — сильная, с длинными пальцами, загорелая до цвета темной бронзы — мягко, но уверенно легла

ей на плечо, останавливая ее движение, чтобы она не потеряла равновесие на неровном камне.

— *Dikkatli ol*, — прозвучал низкий, бархатный голос прямо над ее ухом. Голос с легкой, едва уловимой хрипотцой, которая заставила позвоночник Веры покрыться мелкими мурашками. — Осторожнее.

Вера медленно опустила телефон и подняла глаза. И забыла, как дышать. Воздух словно застрял в легких.

Он был высоким. Очень высоким. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. На нем были льняные брюки песочного цвета, слегка помятые в бедрах, и белая рубашка, расстегнутая на три верхние пуговицы. Из-под распахнутого ворота проступала смуглая кожа, покрытая легким темным пушком, и

Вера невольно задержала взгляд на ямочке у его ключицы. Темные, слегка выующиеся волосы были тронуты соленым ветром и казались растрепанными.

Но не это заставило ее замереть. Его глаза. Они были цвета горького шоколада, смешанного с темным, штормовым морем. И они смотрели на нее с такой пронзительной, почти осязаемой внимательностью, что Вере показалось, будто он видит ее насквозь. Видит не просто туристку в простом платье, а ту самую Веру, которая пряталась за темными очками у бассейна.

— Простите, — выдохнула она по-русски, делая инстинктивный шаг назад. Ее голос прозвучал хрипло. — Я не посмотрела под ноги.

В уголках его губ дрогнула тень улыбки. Он

не убрал руку сразу. Его пальцы, обжигающие даже сквозь тонкую хлопковую ткань сарафана, на долю секунды сжали ее плечо. Большой палец медленно, почти незаметно, провел по ее ключице, и Вера почувствовала, как по коже пробежала электрическая дрожь, мгновенно разогнавшая кровь.

— Ты не смотришь под ноги, *güzelim*, — сказал он. Красавица. — Ты смотришь на стены. Они помнят больше, чем мы. Ты говоришь по-русски?

— Да, — она сглотнула, чувствуя, как по шее и щекам разливается предательский, горячий жар. Она была уверена, что он видит, как она краснеет. — А вы?

— Немного. Учился в Москве, давно. Меня зовут Керем.

Он чуть склонил голову, и Вера уловила его аромат. В нем не было приторных, сладких магазинных духов, которыми пользовались мужчины в ее городе. Он пах кедровым деревом, легким табачным дымом, нагретой за день кожей и тем самым морем, которое она так отчаянно искала. Этот запах ударил ей в голову, как крепкое, выдержанное вино.

— Вера, — представилась она, чувствуя, как его взгляд скользит по ее лицу. Он отмечал россыпь веснушек на носу, растрепанные ветром волосы, пухлые, чуть приоткрытые от волнения губы. Его глаза задержались на ее губах на мгновение дольше, чем диктовали правила вежливости, и Вера почувствовала, как у нее перехватило дыхание. В его взгляде не было той пошлой, липкой оценки, к которой она привыкла. Он смотрел на нее так, словно она была редкой, забытой книгой, которую он только что нашел на

пыльной полке и теперь хотел прочесть от корки до корки.

— Вера, — повторил он. Русское имя в его устах прозвучало как заклинание — мягко, тягуче, с легкой, красивой раскатистой «р». — Ты одна? В этом лабиринте легко потеряться, особенно когда солнце садится.

— Я не против потеряться, — вдруг сказала она. Она сама удивилась собственной смелости. Уральская скромность и привычка быть незаметной, которую она везла с собой через полстраны, внезапно испарилась в этом горячем, пряном воздухе.

Керем посмотрел на нее чуть дольше, чем было принято. В его темных глазах мелькнула искра — темная, мужская, от которой у Веры закружилась голова и потяжелел низ живота. Он понял. Он понял ее игру, ее скрытый вызов и принял его.

— Тогда иди за мной, Вера из России, — он чуть коснулся ее локтя, и этот легкий, почти невесомый контакт прошелся по ее нервам рядом тока. — Я покажу тебе город, который не видят туристы.

Они шли по узким улочкам, и Керем не отходил от нее ни на шаг. Он не держал ее за руку, но его присутствие ощущалось каждой клеточкой ее тела. Она чувствовала его плечо рядом со своим, чувствовала, как он слегка наклоняется, чтобы обойти встречного старика. Когда они проходили под низкой, каменной аркой, он наклонился, чтобы пропустить ее вперед, и его губы оказались в опасной близости от ее волос. Вера почувствовала, как он вдохнул ее аромат — простой кокосовый шампунь и запах ее разогретой кожи. Его горячее дыхание коснулось ее шеи, и по спине пробежала волна жара. Она невольно

выгнулась, подаваясь навстречу этому невидимому прикосновению, и тут же испугалась собственной, такой сильной и внезапной реакции.

Они вышли на маленькую, скрытую от посторонних глаз террасу, нависающую над самой водой. Море внизу уже чернело, усыпанное дрожащими отражениями огней### яхт. Керем подошел к каменному парапету, оперся на него руками и посмотрел на нее. Ветер трепал его рубашку, очерчивая сильные, рельефные линии торса. Вера стояла в шаге от него, и ее сердце колотилось так громко, что ей казалось — он должен его слышать в этой тишине.

— Зачем ты приехала сюда, Вера? — тихо спросил он, и в этом вопросе не было праздного, вежливого любопытства. В нем был интерес. Глубокий, настоящий интерес.

— Я искала... не знаю. — Она пожала плечами, чувствуя себя вдруг очень уязвимой. — Наверное, что-то настоящее. Там, где я живу, все предсказуемо. Серое небо, серые дома, серые мысли. А здесь... здесь все слишком громкое, слишком яркое. И только ты...

Она запнулась, поняв, как это звучит. Как это отчаянно и глупо.

Керем усмехнулся, но в его глазах не было насмешки. Он сделал шаг к ней. Расстояние между ними сократилось до опасного, интимного предела. Она чувствовала исходящее от него тепло, чувствовала, как его взгляд скользит по ее телу — медленно, лениво, с хозяйской внимательностью. Он задержался на изгибе груди под тонкой тканью сарафана, на тонкой талии, на бедрах. От этого взгляда ее кожа горела,

соски напряглись, став болезненно чувствительными, терлись о тонкий хлопок, требуя освобождения.

— Ты нашла то, что искала? — его голос упал до шепота, который в тишине вечера был громче крика.

Он поднял руку и медленно, словно боясь спугнуть дикую птицу, провел костяшками пальцев по ее щеке, убирая выбившуюся прядь волос за ухо. Его пальцы были шершавыми, горячими, с коротко остриженными ногтями. Когда его кожа коснулась ее шеи, Вера невольно приоткрыла губы, и ее дыхание сбилось. Его пальцы спустились ниже, скользя по ключице, и остановились у выреза сарафана. Он не стал опускать их ниже, но этого жеста, этого ожидания было достаточно, чтобы Вера почувствовала, как внутри нее

разливается тяжелая, сладкая истома, заставляя колени слегка дрожать.

— Я не знаю, — прошептала она, глядя в его темные глаза, в которых теперь плескался тяжелый, обжигающий голод. — Но я точно знаю, что не хочу уходить.

Керем медленно наклонился. Его взгляд упал на ее губы, задержался там на мгновение, которое показалось ей вечно-стью, а затем он коснулся ее лба своими губами. Это был не поцелуй. Это было обещание. Обещание бури. Обещание, от которого у Веры закружилась голова, а кровь загудела в висках. Его рука скользнула на ее талию, притягивая ее к себе так плотно, что она почувствовала, как сильно бьется его сердце, и как его твердое бедро прижимается к ее бедру. Это прикосновение было таким интимным, таким откровенным,

что Вера тихо, почти беззвучно ахнула.

— Тогда останься, — выдохнул он против ее кожи, и его губы скользнули по ее виску, к щеке, останавливаясь в опасной, дразнящей близости от ее рта. — Эта ночь только начинается, Вера.

Глава 2. Качка и гравитация

Они спускались к старому маринале, и Вера перестала чувствовать под собой неровные камни мостовой. Ей казалось, что она не идет, а плывет, повинаясь невидимому течению. Рука Керема была сплетена с ее рукой — его пальцы, длинные, сильные и слегка шершавые от работы, уверенно держали ее ладонь. От этого простого, казалось бы, жеста по венам Веры растекалось сладкое, тягучее тепло, затмевая разум.

Воздух у воды менялся. Здесь уже не пахло корицей, жареными каштанами и специями старого города. Здесь пахло соленой водой, нагретым за день деревом, смазкой и легким, едва уловимым запахом дорогого топлива. Керем вел ее мимо белоснежных, выстроившихся в ряд корпусов яхт. Они скользили мимо спящих гигантов, пока не остановились у одной из них — изящной, с темным, почти черным корпусом и серебристыми линиями, напоминающими шрамы или молнии.

— Это твой дом? — тихо спросила она, глядя на лоснящийся лак, в котором отражалась луна.

— Это мой покой, — ответил он. Его голос прозвучал ниже, чем раньше. Он помог ей ступить на палубу, и его ладонь задержалась на ее талии. Пальцы слегка сжали мягкую

ткань сарафана, и Вера снова ощутила этот обжигающий контраст: прохладный ночной бриз, несущийся с открытого моря, и пылающее, сухое тепло его руки.

Когда они отчалили, огни Анталыи начали медленно уплывать назад, превращаясь в размытую, дрожащую золотую россыпь. Двигатель работал почти бесшумно, лишь легкая, низкочастотная вибрация передавалась через палубу в ее босые ноги. Вера, не сговариваясь, скинула сандалии еще на трапе, и теперь ее пальцы сжимали теплый, отполированный тик.

Керем подвел ее к широкой корме, где на палубе были разбросаны глубокие мягкие подушки. Он налил в два тяжелых стеклянных бокала немного густого, темного, почти черного гранатового вина и протянул ей один. Их пальцы снова соприкоснулись.

На этот раз Вера не отдернула руку. Она смотрела, как он пьет, как напрягается и расслабляется его кадык, как лунный свет серебрит его виски и подчеркивает жесткие линии скул, и понимала, что сердце вот-вот выскочит из груди, разорвав ребра.

— Ты дрожишь, — его голос прозвучал совсем рядом. Он не смотрел на море. Он смотрел на нее. В его взгляде не было вопроса, только констатация факта.

— Это ветер, — солгала она, хотя воздух был теплым, неподвижным и пахнущим морем.

Керем усмехнулся — уголком губ, беззвучно. Он поставил свой бокал на небольшую столешницу, а затем сделал шаг к ней. Вера инстинктивно отступила на полшага, но ее спина уперлась в мягкий, толстый канат, опоясывающий борт яхты. Бежать было некуда. Да она и не хотела.

Он навис над ней, закрывая собой луну и звезды. Вера задрала голову, и ее дыхание сбилось. Керем поднял руку и медленно, мучительно долго, провел большим пальцем по ее нижней губе. Он слегка оттянул ее вниз, открывая влажный розовый внутренний край. Вера невольно приоткрыла рот, и его палец коснулся кончика ее языка. Вкус соли, граната и его кожи. От этого микроскопического, почти неуловимого жеста у Веры закружилась голова, а между ног разлилась тяжелая, влажная истома, заставившая ее невольно, предательски свести колени.

— Ты говорила, что не хочешь уходить, — прошептал он, и его лицо было так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах. Оно было горячим, рваным. — Но я должен предупредить тебя, Вера. Если я начну, я не остановлюсь. Я не умею

останавливаться на полпути.

В ответ она лишь закрыла глаза, откинула голову назад, упираясь затылком в канат, и чуть подалась вперед, сокращая это невыносимое, пыточное расстояние. Этого было достаточно.

Керем издал низкий, почти звериный звук где-то в глубине горла. Его руки скользнули с ее плеч на талию, сжимая так крепко, что на коже наверняка останутся красные следы, но Вере было все равно. Он притянул ее к себе, и их губы наконец встретились.

Это не был нежный, робкий поцелуй. Это был шторм. Это было падение в бездну без парашюта. Его рот был горячим, властным и требовательным. Он целовал ее так, словно она была глотком пресной воды в раскаленной пустыне, а он умирал от

жажды. Вера ахнула в его губы, и он тут же воспользовался этим, углубляя поцелуй, проникая языком в ее рот, исследуя, пробуя на вкус, смешивая ее сладкое гранатовое вино с солью на его губах.

Ее руки сами собой нашли его волосы — густые, слегка влажные от морского бриза, пахнущие кедром. Она вцепилась в них, притягивая его еще ближе, стирая последние миллиметры между их телами. Вера чувствовала, как бьется его сердце — глухо, тяжело, в такт ее собственному. Его ладонь скользнула по ее спине, поднимаясь от поясицы к лопаткам, и Вера выгнулась навстречу этому движению, как кошка, подставляя горло. Тонкая ткань сарафана была единственным барьером, и этот барьер сводил с ума. Она чувствовала каждую линию его тела, каждую напряженную до предела мышцу под его рубашкой.

Керем оторвался от ее губ, давая ей вдохнуть. Его глаза в полумраке казались почти черными, зрачки расширились так, что почти не было видно радужки. Грудь его тяжело вздымалась.

— Вера... — его голос был хриплым, сорванным, с той самой хрипотцой, которая теперь сводила ее с ума. — Ты даже не представляешь, как долго я смотрел на тебя с того момента, как ты врезалась в меня на той улице. Ты пахнешь домом. Ты пахнешь безумием.

Он наклонился снова, но на этот раз его губы нашли ее шею. Вера тихо застонала, запрокидывая голову и открывая ему доступ к пульсирующей вене. Он целовал чувствительную кожу под ее ухом, скользил губами вниз, к ключице. Его зубы слегка

царапнули нежную кожу, и Вера судорожно вцепилась в его рубашку, сжимая ткань в кулаках. Волна жара прокатилась по ее телу, заставляя бедра невольно, ритмично тереться о его бедро.

Он замер, почувствовав ее реакцию. Медленно, не отрывая губ от ее шеи, он прижался к ней плотнее. Вера сквозь тонкую ткань его брюк и свое собственное платье ощутила его. Твердое, пульсирующее, готовое. Это знание, осознание того, какое действие она производит на этого сильного, уверенного мужчину, ударило ей в голову сильнее любого алкоголя. Кровь стучала в висках, заглушая шум моря.

Керем подхватил ее под бедра и легко, словно она ничего не весила, приподнял, усаживая на широкий край дивана с подушками. Он встал между ее коленей, его

руки скользнули по ее бедрам, медленно, с мучительной нежностью поднимаясь выше, к самой границе ее сарафана. Его большие пальцы гладили внутреннюю сторону ее бедер, и Вера дрожала от каждого прикосновения, ее кожа горела, требуя большего, требуя снять этот проклятый, тонкий барьер.

— Керем... — прошептала она, и ее голос звучал чужим, низким, полным мольбы и отчаяния.

Он поднял голову. Его взгляд скользнул по ее лицу, по красным, распухшим от поцелуев губам, по ее шее, покрытой темными тенями, и остановился на ее груди, которая тяжело вздымалась под тонким хлопком.

— Скажи мне остановиться, — выдохнул он, и его рука замерла в опасной близости от ее груди. Его глаза сверлили ее, ожидая, требуя.

— Скажи одно слово, Вера, и я уйду в каюту. Я закрою дверь. Но если ты молчишь...

Она не сказала ни слова. Вместо этого она медленно, глядя ему прямо в глаза, расцепила пальцы на его рубашке. Ее руки дрожали, но она не останавливалась. Она нашла первую пуговицу и расстегнула ее. Потом вторую. Ткань разошлась, открывая смуглую кожу его груди.

Керем закрыл глаза, и по его лицу прошла судорога сдерживаемой страсти. Когда он открыл их снова, в них не осталось ничего, кроме первобытного, всепоглощающего огня.

Глава 3. Ночь без границ и вкус утреннего кофе

Вера расстегнула третью пуговицу, и ткань рубашки окончательно разошлась, открывая смуглую кожу его груди, покрытую легким темным пушком. Она видела, как тяжело вздымается его торс, как напряжены мышцы живота, как бьется пульс у основания шеи. Ее пальцы дрожали, но она не останавливалась. Четвертая пуговица. Пятая.

Керем не двигался. Он смотрел на нее так, словно она была видением, сотканным из лунного света и морского бриза, которое он боялся спугнуть неосторожным движением. Его дыхание было рваным, глаза горели темным, почти пугающим огнем.

— Вера... — его голос был хриплым, почти болезненным.
— Ты не понимаешь, что ты делаешь.

— Понимаю, — прошептала она, и ее пальцы

наконец коснулись его голой кожи. Она была горячей, живой, пульсирующей под ее ладонями. От этого прикосновения Керем резко выдохнул, закрыв на секунду глаза. — Я хочу этого. Я хочу тебя.

Он издал низкий звук, похожий на стон, и его руки снова обвились вокруг нее. Он поднял ее с дивана, прижимая к себе так плотно, что она чувствовала каждый изгиб его тела, каждую твердую линию. Его губы нашли ее рот, и поцелуй был еще более жадным, еще более требовательным, чем раньше. В нем не осталось ни капли сдержанности.

Он нес ее через палубу, и Вера обвила его шею руками, зарываясь пальцами в его темные, пахнущие солью волосы. Лунный свет серебрил воду вокруг яхты, и казалось, что они плывут не на судне, а сквозь само небо, оторвавшись от земли.

Керем спустился с ней по узкой деревянной лестнице в каюту. Здесь было полутемно, лишь узкий круглый иллюминатор впускал бледную полоску лунного света, которая падала на узкую койку, застеленную белым, слегка помятым хлопком. Воздух в каюте был другим — более плотным, интимным. Здесь пахло им: кедром, солью, его кожей и чем-то еще, неуловимым, что было только его собственным ароматом.

Он осторожно опустил ее на койку и навис над ней, подпираясь на руки. Вера смотрела на него снизу вверх — на его темные глаза, на сильные линии его лица, на губы, которые сейчас были приоткрыты. Она видела, как он тяжело дышит, как вздымается его грудь.

— Ты красивая, — прошептал он, и его рука скользнула по ее щеке, затем вниз, к шее, к ключице. Его пальцы нашли тонкую лямку ее

сарафана и медленно, почти благоговейно, сдвинули ее с плеча. Ткань послушно сползла, открывая ее кожу — загорелую, покрытую мелкими веснушками, которые он, казалось, пересчитывал взглядом.

Вера почувствовала, как его взгляд скользит по ее телу, и это было почти так же интимно, как прикосновение. Он смотрел на нее так, словно впитывал каждую линию, каждый изгиб, запоминая ее наизусть.

— Вера... — его голос был низким, бархатным, вибрирующим в тишине каюты. — Ты уверена?

Она кивнула, не в силах говорить. Вместо этого она потянулась к нему, ее руки нашли край его рубашки и начали стягивать ее с его плеч. Он помог ей, сбрасывая ткань на пол, и теперь его кожа касалась ее кожи — горячая,

шершавая, живая. Контраст его загорелого тела и ее светлой кожи в полумраке казался почти осязаемым.

Когда он наконец коснулся ее губами, это было не как раньше. Это было медленно, почти благоговейно. Его губы скользили по ее шее, по ключице, оставляя за собой след из огня и мурашек. Вера тихо застонала, ее пальцы впились в его спину, оставляя следы ногтей на его напряженных мышцах.

Его руки скользнули по ее телу — по талии, по бедрам, поднимаясь выше. Когда его пальцы наконец нашли ее кожу под тканью сарафана, Вера выгнулась навстречу ему, ее дыхание сбилось. Он целовал ее медленно, мучительно долго, исследуя каждый сантиметр ее тела. Его губы нашли ее грудь, и Вера тихо ахнула, ее пальцы сжали его волосы. Он был нежен, но требователен, и

каждое его прикосновение посылало волны жара через ее тело, заставляя кровь петь в венах.

Вера потеряла счет времени. Она не знала, сколько прошло минут или часов. Она знала только его — его руки, его губы, его запах, его тело, движущееся над ней и вместе с ней. Мир сузился до этой каюты, до этого момента, до него. Звук плескающихся волн за бортом сливался с их дыханием, создавая единый, древний ритм.

Когда они наконец стали одним целым, Вера почувствовала, как что-то внутри нее раскололось и собралось заново — другими, более яркими, более живыми красками. Она шептала его имя, и он шептал ее, и их голоса смешивались с тихим плеском волн за бортом.

Это было не как в книгах, которые она читала. Это было реальнее, глубже, страшнее и прекраснее. Это было как падение и полет одновременно. Как шторм, который разрушает старые стены, чтобы на их месте можно было построить что-то настоящее.

Когда все закончилось, они лежали в тишине, и Вера чувствовала, как его рука медленно рисует узоры на ее спине. Ее голова лежала на его груди, и она слышала, как бьется его сердце — уже спокойнее, но все еще сильно, отдаваясь в ее собственном теле.

— Вера, — его голос был тихим, почти шепотом, нарушающим хрупкую тишину. — Завтра тебе нужно вернуться в отель.

— Да, — она закрыла глаза, чувствуя, как реальность медленно, но неумолимо просачивается в этот идеальный пузырь. — А

послезавтра я улечу домой.

Он молчал какое-то время, и его рука замерла на ее спине. Затем он повернул ее лицо к себе, и в полумраке она увидела его глаза — темные, серьезные, в которых плескалась тень той самой боли, которую она чувствовала сама.

— Это не конец, — сказал он твердо, и в его голосе появилась сталь. — Ты слышишь меня? Это не конец.

Она кивнула, не доверяя своему голосу. Она прижалась к нему ближе, вдыхая его запах, и позволила себе на мгновение поверить, что это правда. Что эта ночь не была просто побегом от реальности, а началом чего-то большего.

За бортом тихо плескалось море, и луна медленно опускалась к горизонту, провожая

их первую ночь вместе.

Вера проснулась от света. Узкая полоска солнца пробивалась сквозь иллюминатор и падала ей на лицо, теплая и ласковая, как чья-то ладонь. Она лежала на узкой койке, укрытая до подбородка простыней, и на мгновение не понимала, где находится. Затем память вернулась — волнами, яркими и четкими: старый город, яхта, его руки, его губы, ночь, в которой она потеряла себя и нашла что-то новое.

Она повернула голову. Керем спал рядом, откинув одеяло до пояса. В утреннем свете его кожа казалась еще темнее, а ресницы — длиннее. Он был беззащитен во сне, и Вера почувствовала внезапный, почти материнский прилив нежности. Она

осторожно протянула руку и коснулась его щеки кончиками пальцев.

Он открыл глаза мгновенно — словно и не спал. Но когда увидел ее, в его взгляде не было напряженности. Только мягкость. И что-то еще — что-то, от чего у Веры сладко сжалось сердце.

— *Günaydın* (Доброе утро), — прошептал он, и его рука накрыла ее ладонь на своей щеке. — Ты осталась.

— Я же говорила, что не хочу уходить, — улыбнулась она.

Он усмехнулся, но в уголках его глаз залегли тонкие морщинки — следы вчерашней ночи, следы смеха, следы жизни. Он притянул ее к себе, и Вера уткнулась лицом в его плечо, вдыхая его запах — теперь он был смешан с ее кокосовым шампунем, и этот коктейль

казался ей самым родным на свете.

— Я сделаю кофе, — сказал он, неохотно отпуская ее. — Настоящий. Не тот, что в твоём отеле.

Он встал, и Вера, забыв о стыде, смотрела на его обнажённую спину, на сильные линии его тела, на то, как напрягаются мышцы, когда он наклоняется к маленькому кофейнику. Через минуту каюта наполнилась густым, пряным ароматом — кардамона, корицы и чего-то ещё, чего она не могла назвать, но что казалось ей запахом самого счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.